

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.77.53.012

Город Владивосток в пространстве культурной памяти

Задворная Елена Сергеевна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: zadvornaya@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена раскрытию проблематики соотношения представлений жителей города Владивостока о местах памяти и официального дискурса памятных мест. Места памяти в контексте используемой теоретической рамки конструктивизма рассматриваются как результат конструирования со стороны властных субъектов. Одновременно с этим смыслы, связанные с местами памяти, фиксируются в культурном пространстве, проживаемом горожанами. На основе культурной памяти формируется сложная и противоречивая мозаика локальной идентичности Владивостока, в которой отражаются как результаты культурной политики по формированию регионального бренда и туристической привлекательности, а также восприятие и «практики проживания» мест памяти жителями города. Исследование основывается на материалах реестра исторического и культурного наследия, размещенного на сайте Министерства культуры РФ, документах и публикациях, размещенных администрацией города Владивостока, а также «полевых» материалах, собранных автором за период с 2017 по 2019 гг.

Для цитирования в научных исследованиях

Задворная Е.С. Город Владивосток в пространстве культурной памяти // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 4А. С. 80-93. DOI: 10.34670/AR.2021.77.53.012

Ключевые слова

Места памяти, культурная память, локальная идентичность, идентичность Владивостока, культурная политика, дискурс памяти.

Введение

В XXI веке в российском пространстве науки актуализируется тема культурной памяти, в рамках которой можно выделить ряд направлений. Это теоретическое осмысление концепта «культурная память» [Ассман, 2004, 2017; Рагозина, 2017], культурная память в историческом процессе [Хальбвакс, 2005; Hodgkin, 2003], региональные бренды в контексте культурной памяти [Бакулина, 2023], узкие прикладные исследования (мемориальные практики [Olick, Robbins, 1998], мемориальные проекты [Аникин, 2020; Никифорова, 2021]). Значителен вклад приморских исследователей в изучение проблемы культурной памяти в локальном пространстве [Гороховская, 2020]. Однако, проблема сопоставления официального дискурса и представлений жителей города о культурном пространстве и культурной памяти нашла недостаточное отражение в исследовательских работах.

Недостаточно изученным представляется и социокультурный потенциал локальных идентичностей; факторы, способствующие возникновению, формированию, развитию и конструированию на территории той или иной местности собственной локальной идентичности, а также факторы, выполняющие деконструирующую, разрушительную для данного социокультурного феномена роль.

В контексте работы важное значение имеет исследование П. Нора, в котором автор утверждает, что «места памяти – это не история в обычном понимании, а сложная мозаика символов культурной идентичности» [Нора, 1999]. Поскольку места памяти обнаруживают себя в конкретном смысловом пространстве, сконструированном жителями города, в рамках данного исследования в качестве «мест памяти» будет использоваться следующее определение: совокупность пересекающихся и воспроизводящихся смыслов, образующих символический фон присвоения/отторжения территории собственного проживания, обеспечивающих включенность жителей в более широкий исторический контекст [Веселкова, Вандышев, 2017].

В данном исследовании ставилась цель выявить маркеры локальной идентичности Владивостока на основе анализа культурной памяти как в официальном дискурсе, так и в представлениях жителей города. Материалами для статьи послужили документы, размещенные в реестре исторического и культурного наследия г. Владивостока, составленного Министерством культуры РФ, а также публикации, размещенные на сайтах Туристско-информационного центра Приморского края и администрации города Владивостока. Сбор полевой информации проводился в период с 2017 по 2019 гг. при помощи методов включенного наблюдения (и составления реестра фото- и видеодокументов), «go-along» интервью (поездка по городу вместе с респондентом), а также неструктурированных интервью с жителями города. Исследование строится на анализе официального дискурса и сравнении его с дискурсивными практиками горожан в отношении культурной памяти Владивостока.

Наиболее популярными аспектами исследования городской идентичности, и в частности г. Владивостока, являются исторические образы территории [Комплектова, 2018]. Представления же жителей Владивостока о современном культурном пространстве города и края, их готовность строить идентичность на основе нынешних культурных реалий и маркеров идентичности остается во многом вне научного анализа. Соответственно, перспективным направлением исследования является анализ тех элементов культурного пространства города, которые составляют для жителей положительные основания для процессов локальной идентификации.

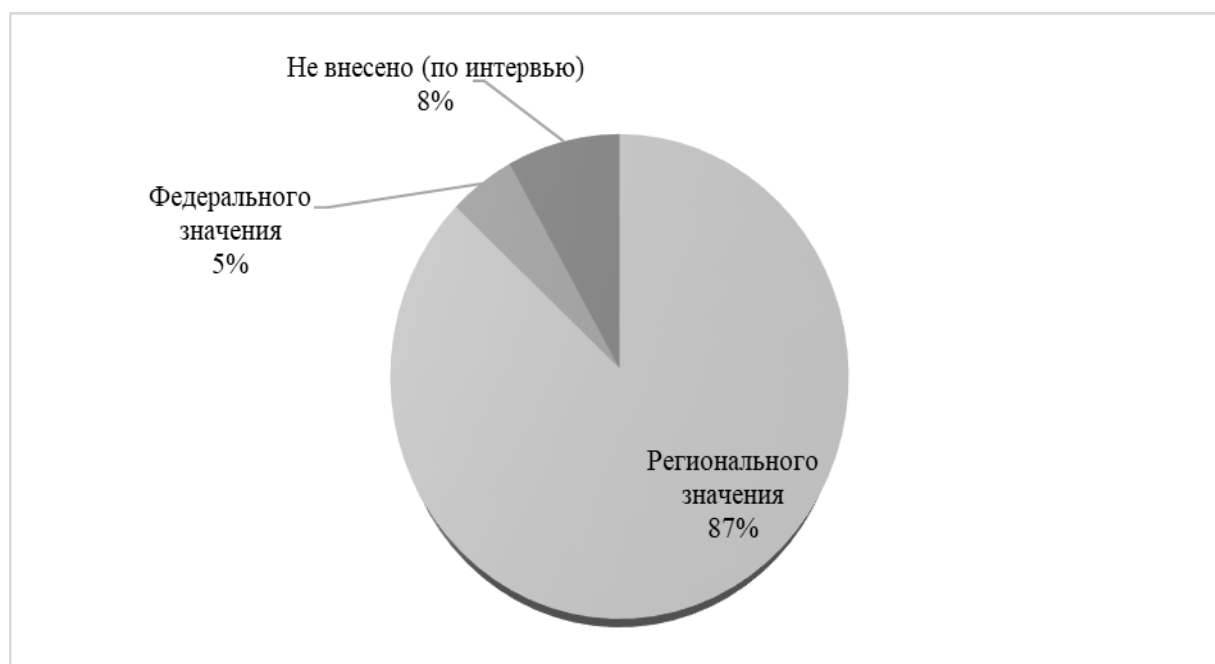
На территории Владивостокского городского округа и в его окрестностях к настоящему времени сохранилось богатое и разнообразное историко-культурное наследие [Аникеев и др.,

www]. В его состав входят: историческая планировочная структура, историческая застройка, жилые дома и здания, комплекс Владивостокской морской крепости, памятники промышленной архитектуры. Тем не менее, некоторые эксперты полагают, что во Владивостоке очень низкая концентрация объектов культурно-исторического наследия, что объясняется тем, что историческая застройка (центр) занимает всего лишь 2% всей площади города [Ревзин, www]. Очевидно, что данная позиция связана скорее с представлением о российском городе с традиционным центром-ядром, которым Владивосток (как будет аргументировано далее) не является, нежели чем с незнанием культурно-исторической специфики.

Официальный дискурс памяти Владивостока

Для составления списка мест памяти обратились к реестру исторического и культурного наследия г. Владивостока, составленного Министерством культуры РФ, списку исторических мест Владивостока, составленного администрацией города¹, а также упоминанию мест памяти в неструктурированных интервью, проведенных автором в 2017-2019 гг. На основе этих данных все объекты систематизированы по различным основаниям.

В соответствии со статусом, присвоенным Министерством культуры, объекты были классифицированы следующим образом: как объекты регионального значения (87%), федерального значения (5%) и 8% объектов, которые упоминались только в интервью, не внесены ни в какие реестры.

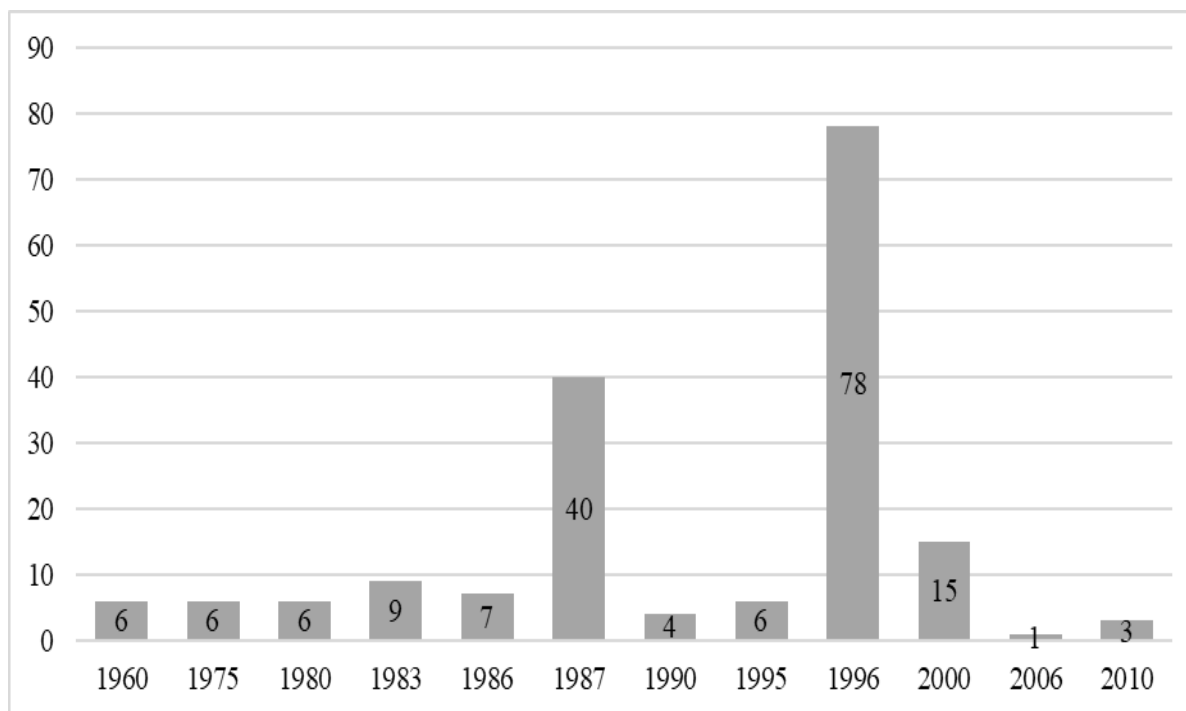

Рисунок 1 - Типология «мест памяти» по значению

Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что количество не внесенных в какие-либо реестры мест памяти, упоминаемых жителями города, почти в два раза превышает количество памятников федерального значения, что свидетельствует о формировании у населения

¹ Путеводитель по городу. URL: http://www.vlc.ru/city/city_guide/

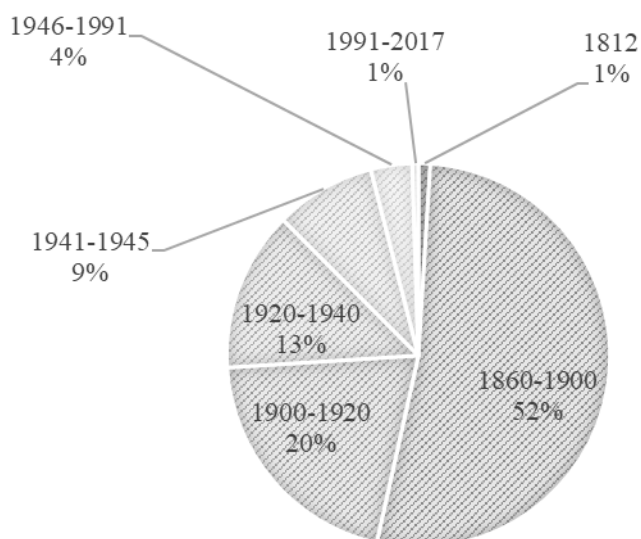
специфического представления о том, что является памятными местами города Владивостока. Для определения специфики упоминаемых в интервью и не внесенных в официальные реестры «мест памяти», проведем ряд операций по классификации и систематизации данных объектов. Во-первых, на основе собранных данных были определены периоды внесения объектов в список культурного и исторического наследия г. Владивостока и установлено, что существуют два «пика» в работе со списком наследия во Владивостоке – это 1983-1987 гг. и 1995-1996 гг.

Рисунок 2 - Годы внесения объектов в реестр культурного и исторического наследия

Примечательно, что 1980 гг. – это время внесения в реестр объектов советской культуры: скульптуры, мемориалы, дома исторических личностей. 1990 гг. имеют свою специфику: в этот период в реестр были внесены объекты военной инфраструктуры (жилые здания военного ведомства, система Владивостокской крепости, дореволюционные доходные и жилые дома). С 1997 г. зарегистрировано всего лишь 19 объектов, а с 2010 г. – менее 10. К сожалению, в XXI в. уделялось крайне мало внимания сохранению объектов культуры и истории, несмотря на то что в городе появлялись новые скульптуры (Катюша) и памятники (Анна Щетинина) и пр. В связи с чем актуализируется вопрос о времени, которое должно пройти с момента установки объекта до его внесения в какие-либо реестры. История мест памяти Владивостока подтверждает, что получение официального статуса возможно даже в год установки (например, памятный знак «Конец Транссибирской магистрали», мемориальный комплекс «Боевая слава», памятник Денису Давыдову внесены в реестры в год установки).

Во-вторых, был проанализирован вопрос о времени, к которому апеллируют места памяти и выявлено, что основная часть объектов связана с периодом создания города, его строительством. На втором месте строительство военных сооружений. Гораздо меньше внимания уделено участию города во второй мировой войне. Примечательно, что постсоветская история города имеет такое же отражение в официальных реестрах, как события 1812 года (победа в войне с Наполеоном) – по 1% объектов.

Рисунок 3 - Репрезентация исторического периода

В-третьих, все объекты были систематизированы в соответствии с их назначением.

Таблица 1 - Функциональное назначение мест памяти

Назначение	Процентная составляющая
объекты Владивостокской крепости	38%
Здания городской инфраструктуры	22%
Жилые здания	18%
Памятники, мемориалы	13%
Объекты военного ведомства	5%
Железнодорожные сооружения	3%

Исходя из этой систематизации, максимальное количество объектов сосредоточено в категории «Владивостокская крепость», а вместе с военными сооружениями и зданиями военного ведомства, эти объекты составляют 43%. В данном контексте можно говорить о формировании идентичности Владивостока на основе культурной памяти принципиально как о «городе-крепости», городе с военной историей, городе военного флота и пр.

В-четвертых, для выявления историко-культурного контекста мест памяти была разработана классификация, в рамках которой объекты систематизированы следующим образом, представленным в таблице.

Таблица 2 - Историко-культурный контекст мест памяти

Категория	Процентная составляющая
досоветский период истории города	47%
военные события	35%
Советский период истории города	13%
Российская история	3%
Постсоветский период истории города	1%
Освоение Дальнего Востока	1%

Максимальное количество мест памяти, внесенных в официальные реестры, посвящены периоду освоения территории Приморского края, строительства города, его защиты, а также

развитию в досоветский период, несмотря на то, что история Владивостока в XX в. изобилует важными событиями.

Для уточнения символического контекста объектов памяти, была проведена систематизация на основе их социокультурного смысла и выделены следующие категории, представленные в таблице.

Таблица 3 - Социальный контекст мест памяти

Наименование категории	Процентная составляющая
гений места (личность)	22%
жилой дом	16%
коммерческое предприятие	15%
военное сооружение (за исключением объектов Владивостокской крепости)	10%
памятные даты в истории города	8%
заведение индустрии развлечения	5%
объекты социальной инфраструктуры	5%
религиозные строения	3%
исследования Приморского края	3%

Исходя из таблицы, видно, что распределение объектов по категориям довольно равномерно – нет абсолютного максимума. Самое большое количество объектов связано с известными личностями, на втором месте находятся жилые дома (как неотъемлемая часть любого города), на третьем – объекты, связанные с ведением бизнеса и коммерческой деятельностью. Примечательно, что категория, которая коррелирует с передвижением (миграцией населения, переселенческими кампаниями, объектами транспортной инфраструктуры) количественно примерно равна категориям жилое и коммерческое строение, что говорит об актуализации концепта движение в идентичности региона. Это формирует образ переселенческого города, в котором активно развивался бизнес, для населения которого важна развлекательная составляющая. Эти же характеристики неоднократно повторяют респонденты в проведенных интервью применительно современному описанию Владивостока (драйв, активность, бежать, торопиться и пр.).

На основе материалов исследования были выделены следующие категории применительно культурной памяти в отношении исторических личностей, представленные в таблице.

Таблица 3 - Память о гении места (Владивосток), зафиксированная в официальном дискурсе

Наименование категории	Процентная составляющая
исследование края и наука	33%
бизнес (купцы, предприниматели)	20%
борцы за власть Советов на Дальнем Востоке	17%
военная служба (без других коннотаций)	13%
искусство (актеры, писатели, художники)	10%
городская администрация и управление	7%

В этом проявляется очевидное противоречие, т.к. максимальное количество объектов, посвященных личностям, находятся в категории наука и исследования края, а в общем списке объектов категория «наука» находится на последнем месте (3% всех анализируемых объектов). Т.е. уникальность культурного ландшафта Владивостока в контексте памяти о личном вкладе

определяют именно исследователи и научные деятели, а не военные или представители гражданской администрации. На втором месте находятся бизнесмены (20%), далее идут революционеры (17%), герои военных действий (13%), деятели искусства (13%) и городской администрации – 7%.

Примечательно, что эпоха СССР маркируется на карте памятных мест города в основном коллективными образами (памятники минерам, комсомольцам, рыбакам, железнодорожникам и пр.), а индивидуальные посвящены лишь В. Ленину и героям второй мировой войны (эти объекты составляют всего 2%). Очевидно, что гений места советского периода не запечатлен в культурной памяти города, хотя отрицать существование серьезных личных достижений в этот период нельзя.

Памятные места и объекты, появившиеся в XXI в., формируют представление о памяти как арт объекте, а не историческом наследии. Вероятно, по этой причине скульптуры Элеоноры Прей, Анны Щетининой, Отцам-основателям дзюдо и пр., не внесены в какие-либо реестры. Все это поднимает вопрос конструирования истории.

В связи с вышеизложенным, можно констатировать, что в отношении истории Владивостока до создания СССР (Российская империя, ДВР) в официальном дискурсе конструируется ощущение утраты, что выражается как в количестве сохраненных и внесенных в реестр Министерства культуры объектов исторического и культурного наследия, так и на основании отзывов горожан в отношении уникальных объектов памяти, конституирующих идентичность Владивостока. Период с 1922 по 1991 гг. слабо представлен, за исключением памяти о подвиге города во второй мировой войне. Данный момент является проблемным и перспективным для разработки, т.к. интерес китайских туристов к Владивостоку тесно связан с военной и политической историей в составе СССР².

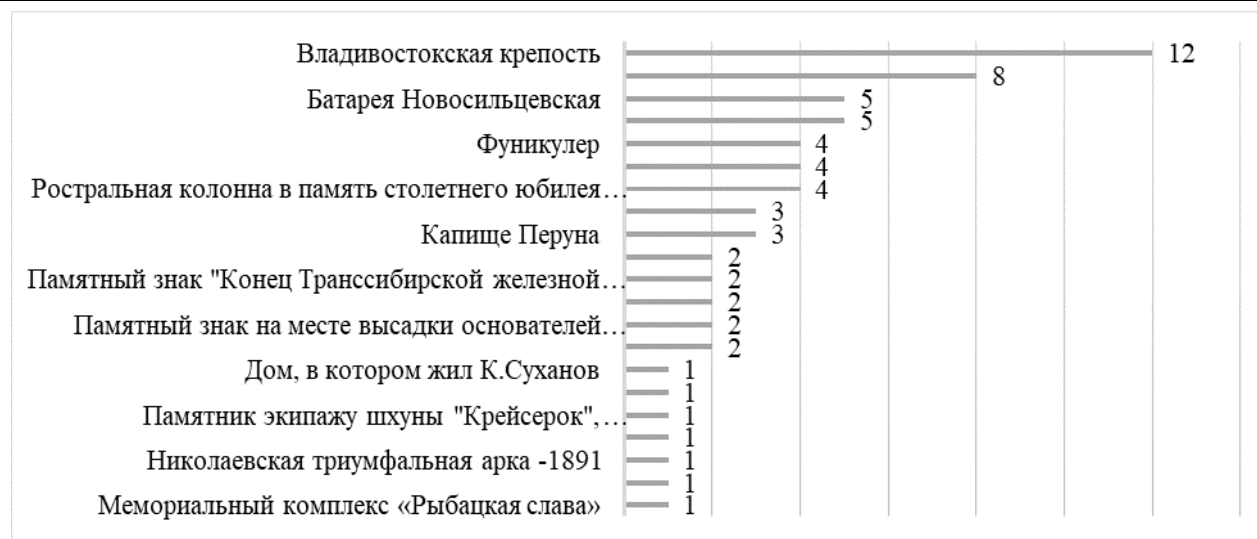
Очевидно, что тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное на увековечение образов событий, людей – процесс создания одних культурных ценностей всегда неотделим от процесса разрушения других, и в этом смысле свое специфическое значение приобретает практика принудительного забвения. Формирование социальных практик взаимодействия с местами памяти со стороны органов власти фиксируется в списке рекомендуемых туристами к посещению мест, размещенных на сайте городской администрации (формально, с точки зрения законодательства, не исторических мест): сквер городов побратимов, памятник Кириллу и Мефодию и пр. Примечателен в данном контексте тезис Э. Шэуджен, что «память — это всегда явление, относящееся к настоящему, а история является репрезентацией прошлого, фиксирующей разрыв с завершенным, окончательно ушедшим прошлым, вместо которого появляются «истории», «историографическое сознание», что априорно выражает разрушение истории-памяти критической историей» [Шэуджен, 2012].

Культурная память в представлениях жителей Владивостока

Конструирование культурной памяти со стороны власти во многом отличается от представлений жителей города. Для понимания этих представлений были проведены глубинные неструктурированные интервью, «go-along» интервью (поездка по городу с респондентом, который рассказывает о своем городе), а также сбор фотодокументов.

---

² Интервью №1. Паблик арт. Ж., 25 л. [Аудиозапись] / Е.С.Задворная. – Владивосток. - 20.03.2018. -5 мин

Рисунок 4 - Упоминания мест памяти в интервью

Значительное упоминание мест, связанных с городской инфраструктурой связано с Торговым домом Кунста и Альберса и железнодорожным вокзалом Владивостока. Несмотря на то, что во Владивостоке сохранилось большое количество жилых зданий конца XIX – начала XX вв., интервьюируемые упоминали лишь Миллионку (жилой квартал в центре города, в котором проживали в дореволюционном Владивостоке в основном лица китайского и корейского происхождения).

В соответствии с диаграммой, максимальное количество упоминаний места как исторического, памятного, уникального для Владивостока – это фортификационные сооружения, что свидетельствует о готовности идентифицировать городские места памяти как «крепость» в целом. Из них чаще всего респонденты упоминали Пороховой погреб №13 (о. Русский), Новосильцевскую (о. Русский), Ворошиловскую батареи (о. Русский) и систему укреплений на горе Холодильник. Примечательно, что данный выбор был обусловлен не только осведомленностью жителей о данных сооружениях, их историей, но и активным социальным взаимодействием, не всегда связанным с памятью о месте. Например, любоваться закатом (городом, морем), участвовать в фестивале, празднике (организованном вблизи места памяти), встречаться с друзьями (ориентир) и пр.

Некоторые исследователи полагают, что жители города всегда выбирают в качестве памятных мест объекты, связанные с центром [Лебедев, Истомина, 2016]. Однако, при взгляде на карту видно, что крепость расположена на «окраинах», занимает пограничное положение между освоенной территорией и морем (или тайгой – до расширения города). Примечательно, что никто из информантов не упомянул центральную площадь ни как объект памяти, ни в качестве публич арт или маркера города. Это актуализирует крепость в первую очередь как «границу», которая обеспечивает защиту, а также ограничивает от неупорядоченного, неосвоенного хаоса. Данный тезис иллюстрирует карта Владивостокской крепости, представленная на рисунке ниже.

В целях анализа социокультурных практик взаимодействия жителей города с «памятными местами», были систематизированы основные локальные мероприятия, связанные с культурной памятью города, которые реализуются в общественных местах. К ним были отнесены: День города, День рыбака, День Военно-морского флота, День Победы, фестиваль Владивостокская

крепость, фестиваль Славянской культуры, фестиваль Меридианы Тихого, фестиваль Мариинский, Международный джазовый фестиваль, День тигра. Самая обширная категория мероприятий представлена современностью – 55% (сюда вошли в т. ч. мероприятия, которые не обращаются к какому-либо периоду в истории, например, фестиваль Мариинский, джазовый фестиваль и пр.). На втором месте находятся мероприятия, связанные с периодом СССР – 27%. По 9% у категорий досоветская история и древняя/средневековая Русь.

Рисунок 6 - Крепость Владивостока: генеральный план [Волынец, www]

Рисунок 7 - Актуализируемый период в «местах памяти»

Систематизируем мероприятия по принципу «место проведения». Максимальное количество мероприятий проводится на объектах Владивостокской крепости, на втором месте – центр города (площадь Борцов революции). Удивительно, но большинство респондентов (92%) не смогли дать правильное название центральной площади города. Однако, несмотря на название и мемориальное наполнение (памятник Борцам за власть Советов) мероприятия на центральной площади города не актуализируют связь с советским периодом и революцией, а выделяют место исключительно как пустое пространство, которое может быть наполнено людскими массами. В настоящее время площади пытаются придать развлекательный характер, установив сухой фонтан [Дмитриева, www]. На третьем и четвертом местах находятся Спортивная и Корабельная набережные города, как место для движения горожан во время проведения памятных мероприятий. Остальные места пользуются вниманием один-два раза в год и довольно редко упоминаются респондентами.

Среди всех мероприятий доминируют события, маркирующие Владивосток как креативный город и при этом одновременно связанные с современностью (составляют 38%). На втором месте находятся мероприятия, актуализирующие в идентичности маркер «военный город» – 32%. Несмотря на то, что XX в. для Владивостока – это эпоха развития рыбной отрасли, массового притока населения в край и город, маркер «морской город» находится только лишь на третьем месте.

Отдельно остановимся на мероприятиях, проводимых вблизи упоминаемых мест памяти. Была выбрана данная формулировка, т.к. термин «связанных» здесь не совсем уместен: события не всегда имеют прямую связь с местом проведения, в ходе мероприятий актуализируются иные смыслы, а само место памяти иногда получает другой исторический контекст. Так, фестиваль Владивостокская крепость проходит в конце августа-начале сентября с 2013 г. Внесен в список событий маршрута «Восточное кольцо России». Событие состоит из тематической ярмарки, исторического лагеря (где реконструируются различные события), турнира по средневековому

фехтованию, а также экскурсионной программы, которая проводится с целью ознакомления жителей со значимым историческим объектом. На территории Ворошиловской батареи Владивостокской крепости – с июля 2017 – открыт парк «Патриот» (выставка военной техники, тир, экскурсии)³. Пороховой погреб №13 – место проведения фестиваля Славянской культуры, соревнований исторической реконструкции, праздников Масленицы, Равноденствия и пр. Во время мероприятий здесь разворачивается целый палаточный городок, люди одеты в национальные одеяния.

Заключение

Владивосток обладает значительным историческим и культурным наследием, история города актуализирована в памятниках истории и архитектуры, объектах публичного искусства. Но необходимо отметить разрыв в восприятии города как исторического с точки зрения городской администрации и жителей города, что проявляется в выделении разных уникальных мест памяти Владивостока, отсутствии должного количества мемориальных мероприятий.

Основным маркером локальной идентичности Владивостока, который формируется в официальном дискурсе на основе культурной памяти, является военный пограничный город, что в определенной мере вступает в противоречие с политикой привлечения туристов в регион, но полностью соответствует ожиданиям горожан в контексте осмысления враждебного ландшафта. Владивостокская крепость в данном контексте выступает как единственно возможный символ выживания человека в условиях природных стихий, агрессивной фауны и иностранного вмешательства.

Культурные коды, которые возникают на основе событийного раскрытия мест памяти, в первую очередь связаны с актуализацией идентичности города как форпоста, военного укрепления. В официальном дискурсе подчеркивается роль военно-патриотического воспитания, неприступности российских рубежей. Сюда же можем отнести ежедневные выстрелы из пушки, а также праздничный салют, который дается военными, топонимику Владивостока. Принципиально, что история Владивостокской крепости до сих пор не актуализирована в официальных мемориальных событиях, что связано с отсутствием необходимой поддержки со стороны официальных властей, а реализуется через обращение к событиям, которые не связаны непосредственно с историей крепости (средневековые исторические бои, сражения времен Первой и Второй мировых войн и пр.).

Второй по актуальности смысл – славянский город, который раскрывается в мероприятиях, связанных с традиционной культурой (проводятся на объектах Владивостокской крепости). Причина выбора фортов и укреплений для данных мероприятий состоит в том, что это все-таки освоенная территория с дорожной инфраструктурой, хороший ориентир, а также место памяти (в упоминаниях респондентов – “место силы”). Примечательно, что для раскрытия данного смысла в городе нет официальных памятных мест. На наш взгляд, остров Русский – та территория, где данный замысел может реализоваться.

Одна из целей, которая ставится в рамках городской и краевой политики, это формирование привлекательности города Владивостока в контексте его уникальности, т.е. посредством работы

---

³ На Ворошиловской батарее открылся военно-патриотический парк «Патриот». URL: <https://www.news1.ru/vlad/2017/07/22/161240/>

с концептом «локальная идентичность». Однако, она вступает в противоречие с дискурсом о военном и пограничном городе, укрепленном форпосте, а также представлением у жителей города – как о городе-крепости. В случае если в рамках культурной политики не используется культурологический анализ объектов идентичности, маркирование происходит по географическому признаку, в пределах которого раскрывается лишь поверхностная семантика. Следовательно, основной задачей формирования локальной идентичности Владивостока в будущем должно стать изменение первоначальных представлений путем добавления, актуализации культурно-исторической составляющей существующих маркеров.

Библиография

1. Аникеев В.В. и др. Генеральный план Владивостокского городского округа. Положения о территориальном планировании. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432859494>
2. Аникин Д.А. Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 2. С. 12-25.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Наука, 2004. 234 с.
4. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
5. Бакулина С.Д. Культурный брендинг как стратегия трансляции культурной памяти и механизм формирования региональной идентичности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3(27). С. 88-94.
6. Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т.16. № 3. С. 36- 66.
7. Волынец А. Владивостокская крепость. Почему город Владивосток, никогда не имевший зубчатых стен и бастионов, называют крепостью? URL: <https://dv.land/history/vladivostokskaya-krepost>
8. Гороховская Л.Г. «Экзотично для нашего города»: дискурсивный анализ конструирования городской достопримечательности // Урбанистика. 2020. № 3. С. 102-110.
9. Дмитриева И. Строительство «сухого» фонтана во Владивостоке идет по графику. URL: <http://vlc.ru/event/news/57129>
10. Иванова А.П., Бабенко С.Н. Символические аспекты Дальневосточных культурных ландшафтов: «воображаемые реальности» и «память места» // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2020. Том 1. С. 185-189.
11. Кирсанова Е.С. Морское кладбище: о памяти и забвении // Известия Восточного института. 2019. № 3 (19). С. 46- 68.
12. Комплектова Г.И. Эстетика образа современного объекта в исторической среде города (на примере Владивостока) // Творчество и современность. 2018. № 1(5). С. 39-43.
13. Лебедев С.Д., Истомин А.Г. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам количественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. № 2. С. 15-26. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-15-26
14. Ломова Т.Е. Город моей мечты // Россия и АТР. 2013. № 1 (79). С. 91-104.
15. Никифорова А.А. Интерактивные формы сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в Северо-Западном регионе России) // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 37-46.
16. Нора П. Франция – память. Проблематика мест памяти. СПб., 1999. 328 с.
17. Рагозина Т.Э. Проблема культурной памяти и границы эмпирического сознания // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. Вып. 3 (16). С. 70-81.
18. Ревзин Г. Владивосток признан самым комфортным городом на Дальнем Востоке. URL: <https://primamedia.ru/news/606663/>
19. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 22-29.
20. Шэуджен Э.А. «Места памяти»: модная дефиниция или историографическая практика? // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 60-58.
21. Hodgkin K. (ed.) Contested Pasts: The Politics of Memory. London: Routledge, 2003. 292 p.
22. Olick J., Robbins J. Social memory studies: from "Collective Memory" to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.

Vladivostok in the space of cultural memory

Elena S. Zadvornaya

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, School of Oriental Studies,
Far Eastern Federal University,
690922, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: zadvornaya@mail.ru

Abstract

The article is devoted to disclosure the problem of correlation between the perceptions of Vladivostok city residents about cultural memory places and the official discourse of memorable places. Places of memory in the context of constructivism are considered as the result of construction by powerful subjects. At the same time, the meanings associated with places of memory are recorded to the cultural space inhabited by the people. On the basis of cultural memory, a complex and contradictory mosaic of Vladivostok's local identity is formed, which reflects both the results of cultural policy on the regional brand formation, as well as the perception and “practice of living” of memory places by residents of the city. The study is based on materials from the register of historical and cultural heritage posted on the website of the Ministry of Culture of the Russian Federation, documents and publications posted by the administration of the city of Vladivostok, as well as “field” materials collected by the author for the period from 2017 to 2019. The author of the paper concludes that the main task of the formation of the local identity of Vladivostok in the future should be to change the initial ideas by adding, updating the cultural and historical component of existing markers.

For citation

Zadvornaya E.S. (2021) Gorod Vladivostok v prostranstve kul'turnoi pamyati [Vladivostok in the space of cultural memory]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (4A), pp. 80-93. DOI: 10.34670/AR.2021.77.53.012

Keywords

Memory places, cultural memory, local identity, Vladivostok identity, cultural politics, memory discourse.

References

1. Anikeev V.V. et al. *General'nyi plan Vladivostokskogo gorodskogo okruga. Polozheniya o territorial'nom planirovanii* [General plan of the Vladivostok urban district. Spatial planning regulations.]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/432859494> [Accessed 06/06/2021]
2. Anikin D.A. (2020) Problematika frontira v issledovaniyakh kul'turnoi pamyati [Frontier Problems in Cultural Memory Studies]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2, pp. 12-25.
3. Assman A. (2020) *Is Time out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime*. Cornell University Press.
4. Assman J. (2011) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Cambridge University Press.
5. Bakulina S.D. (2013) Kul'turnyi brending kak strategiya translyatsii kul'turnoi pamyati i mekhanizm formirovaniya regional'noi identichnosti [Cultural branding as a strategy for translating cultural memory and the mechanism for the formation of regional identity]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University.], 3(27), pp. 88-94.

6. Dmitrieva I. *Stroitel'stvo «sukhogo» fontana vo Vladivostoke idet po grafiku* [Construction of a dry fountain in Vladivostok is proceeding according to schedule.]. Available at: <http://vlc.ru/event/news/57129> [Accessed 06/06/2021]
7. Gorokhovskaya L.G. (2020) «Ekzotichno dlya nashogo goroda»: diskursivnyi analiz konstruirovaniya gorodskoi dostoprimechatel'nosti [“Exotic for our city”: a discourse analysis of the construction of a city landmark]. *Urbanistika* [Urban Studies], 3, pp. 102-110.
8. Hodgkin K. (ed.) *Contested Pasts: The Politics of Memory*. London: Routledge.
9. Ivanova A.P., Babenko S.N. (2020) Simvolicheskie aspekty Dal'nevostochnykh kul'turnykh landshaftov: «voobrazhaemye real'nosti» i «pamyat' mesta» [Symbolic aspects of the Far Eastern cultural landscapes: imaginary realities and memory of a place]. *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii FAD TOGU* [New ideas of the new century: materials of the international scientific conference of the Faculty of Architecture and Design (Pacific State University)], 1, pp. 185-189.
10. Khal'bvaks M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2/3, pp. 22-29.
11. Kirsanova E.S. (2019) Morskoe kladbishche: o pamyati i zabvenii [Sea cemetery: about memory and oblivion]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute], 3 (19), pp. 46- 68.
12. Komplektova G.I. (2018) Estetika obraza sovremennogo ob"ekta v istoricheskoi srede goroda (na primere Vladivostoka) [Aesthetics of the image of a modern object in the historical environment of the city (on the example of Vladivostok)]. *Tvorchestvo i sovremennost'* [Creativity and Modernity], 1(5), pp. 39-43.
13. Lebedev S.D., Istomin A.G. (2016) Lokal'naya identichnost' zhitelei goroda Belgoroda (po materialam kolichestvennogo issledovaniya) [Local identity of residents of the city of Belgorod (based on quantitative research)]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific Result. Sociology and Management], 2, 2, pp. 15-26. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-15-26
14. Lomova T.E. (2013) Gorod moei mechty [City of my dreams]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 1 (79), pp. 91-104.
15. Nikiforova A.A. (2021) Interaktivnye formy sokhraneniya kul'turnoi pamyati (na primere istoricheskoi rekonstruktsii v Severo-Zapadnom regione Rossii) [Interactive forms of preserving cultural memory (on the example of historical reconstruction in the North-West region of Russia)]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 3, pp. 37-46.
16. Nora P. (1996) *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Columbia University Press. Vol. 1.
17. Olick J., Robbins J. (1998) Social memory studies: from Collective Memory to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, 24, pp. 105-140.
18. Ragozina T.E. (2017) Problema kul'turnoi pamyati i granitsy empiricheskogo soznaniya [The problem of cultural memory and the boundaries of empirical consciousness]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Modern problems of the humanities and social science], 3 (16), pp. 70-81.
19. Revzin G. *Vladivostok priznan samym komfortnym gorodom na Dal'nem Vostoke* [Vladivostok is recognized as the most comfortable city in the Far East]. Available at: <https://primamedia.ru/news/606663/> [Accessed 06/06/2021]
20. Sheudzhen E.A. (2012) «Mesta pamyati»: modnaya definitya ili istoriograficheskaya praktika? [Realms of Memory: Fashionable Definition or Historiographic Practice?]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies], 1, pp. 60-58.
21. Veselkova N., Vandyshv M., Pryamikova E. (2017) Molodye goroda: masshtaby mest pamyati [Young cities: the scale of places of memory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 16, 3, pp. 36- 66.
22. Volynets A. *Vladivostokskaya krepost'. Pochemu gorod Vladivostok, nikogda ne imevshii zubchatykh sten i bastionov, nazyvayut krepost'yu?* [Vladivostok fortress. Why is the city of Vladivostok, which never had battlements and bastions, is called a fortress?]. Available at: <https://dv.land/history/vladivostokskaya-krepost> [Accessed 06/06/2021]